

оды «Вольность» и «Жития Федора Васильевича Ушакова», — на континенте Европы понимали как защиту и выражение интересов «третьего сословия» в целом. Противоречия внутри этого сословия не всегда замечались, а когда они становились очевидны, то объяснялись неразумной природой феодально-абсолютистского государства. Драмы Шиллера «Разбойники», «Коварство и любовь» потому и воспринимаются как художественная форма демократического протеста литературы XVIII в.

Просветительская мысль Европы до конца 1770-х гг., т. е. до победы американской революции, хотя и проявляла беспокойство о положении и судьбах крестьянства, подчиняла решение этой социальной проблемы общим задачам разумного переустройства общества.

Сочувствие жалкому и угнетенному положению крестьянства у французских просветителей, да и не только у них, сопровождалось признанием темноты и невежества масс, их неспособности, как казалось просветителям, осознать свои истинные сословные интересы. Отсюда, по их мнению, легковерие и готовность крестьянства поддаться любой социальной демагогии, особенно если она облекается в привычную религиозную форму. Поэтому общественная активность крестьянства, как правило, отрицательна. Наиболее значительные крестьянские войны — высшая форма крестьянской исторической инициативы — в оценке просветительской мысли XVIII в. предстают как достойное сожаления массовое заблуждение.

Словом, народные массы, плебеи, чернь, как называли их просветители 1750—1770-х гг., не входили ни в историческую, ни в социальную концепцию просветителей; проблема «народ и его роль в истории» не получила серьезной разработки ни в одной из философских или социологических систем эпохи, равно как и в собственно исторических концепциях, даже у Руссо.

Во французской литературе середины века выразилось все то же осторожное и скорее презрительное, чем сочувственное отношение к крестьянину. Крестьянство как социальная категория в романе XVIII в. не является носителем какого-либо нравственного идеала. В народе обнаруживают только самые примитивные социальные инстинкты, и в этом отношении крестьянин представляет собой социальный балласт для той борьбы, которую вели идеологи Просвещения.

Комедия со времен Мольера отвела крестьянину третьестепенное место в иерархии действующих лиц, изображая его дураком или полудиотом.

Радищев-писатель формируется в ту эпоху, когда крестьянство заявило о себе как о важной силе исторического движения. Крестьянская война в России 1773—1774 гг., американская революция 1776—1787 гг., осуществленная свободными крестьянами, — главные вехи исторического развития, под воздействием которых формировался демократизм Радищева-писателя. В статьях